Фу Вэй рассказал мне этот свой секрет еще в школе. Он родом из богатой семьи бизнесменов. Его отец не входил в список «Forbes» или что-то подобное, но он управлял по крайней мере двумя успешными компаниями среднего уровня. Формально говоря, Фу Вэй относится к нуворишам.

Его отец никогда не бывает без женщин; мать Фу Вэя знает о его любовных похождениях и держит его на коротком поводке. Но отцу ее было недостаточно. Ему пришла в голову подлая идея использовать своего сына для прикрытия. Он всегда говорил, что идет куда-то с сыном, а потом оставлял Фу Вэя где-нибудь в городе и уходил к любовнице. После этого он щедро платил ему.

Отец и сын договорились об этом еще в средней школе; к тому времени он уже привык к этому и даже думал, что это удобный способ заработать немного денег. Когда он рассказал мне об этом, я был потрясен и подумал, что, как говорится, все семьи имеют скелеты в шкафу. Из-за этого проблемы моих собственных родителей казались пустяком.

Теперь, когда я вспоминаю об этом, я должен был понять, что он не меньший урод, чем я. Он рассказывал мне эти вещи только потому, что мы были хорошими друзьями, и он доверял мне, поэтому мы были склонны делиться маленькими секретами. У меня никогда не было мысли раскрыть какой-либо из его секретов, даже если бы мы больше не были друзьями. Я не думал об этом даже тогда, когда сплетни обо мне распространились по всей школе.

То, что я сейчас угрожал ему этим, шокировало даже меня.

– Я собираюсь отпустить тебя, но следи за языком. И не ищи меня больше, хорошо? – Я убрал руку с лица Фу Вэя, но держал другую руку на его воротнике.

Фу Вэй все еще выглядел потрясенным, его индекс настроения абсолютно черный. Он смотрел так, будто больше не узнавал меня.

Хотя, чему тут было удивляться? Собака перепрыгнет через забор, если ее загнать в угол, кролик укусит. Неужели он думал, что я позволю ему продолжать в том же духе вечно?

Это не проблема для меня, но я просто не думал, что это необходимо. Если люди хотят ненавидеть меня за то, что я гей, то вперед. Мне все равно не нужно их одобрение.

– Обещаю.

Фу Вэй смотрел на меня безучастно, потом сглотнул и сказал:

– Хорошо.

Он красивый и умный мальчик, но он никогда не любил физическую активность и никогда не

ввязывался в драку. Однажды он сказал мне, что драка не соответствует его характеру. Я не знаю, о каком характере он говорит, но, если он продолжит меня раздражать, я, конечно, не против поучаствовать с ним в грубых упражнениях.

– Тебе лучше сдержать свое слово, иначе я действительно убью тебя, – я отпустил его воротник и отошел в сторону.

Его взгляд был тяжелым, когда он смотрел на меня. Потом он перевел глаза на Янь Куншаня. Наконец, с видом смущения и раздражения он обходит ворота и убегает. Я смотрел ему вслед, пока он окончательно не исчез из виду, а затем выпустил глоток воздуха, который так и клокотал в моей груди.

– Я не ожидал, что ты будешь таким свирепым.

Янь Куншань затушил наполовину выкуренную сигарету и подошел ко мне:

– Ты ударил плохого парня и сам отправил его в бега.

Я подобрал с земли ключи и повернулся, чтобы открыть замок:

– Я не бил его. Я просто легонько толкнул.

Янь Куншань слегка хихикает. Когда он снова заговорил, его голос стал намного ближе, почти у самого моего уха:

– Юй Мянь, ты все еще злишься на меня?

Повозившись с замком, я, наконец, открыл ворота. Прежде чем я успевал сказать ему, что больше не сержусь, Янь Куншань схватил меня сзади за запястье. Похоже, он неправильно истолковал мое молчание:

– Мне жаль.

Удивленный, я повернулся, чтобы посмотреть на него. Он смотрит на меня, затем искренне повторяет:

– Я слишком резко высказался в тот день, прости.

Он был настолько искренен, что я начал чувствовать себя неловко. Потому что дедушка был прав: какими бы хорошими друзьями мы ни были, важно думать о своем собеседнике, когда даешь совет, нельзя заставлять принять мое мнение – это слишком высокомерно:

– Нет, я… я тоже был не прав.

На мгновение никто из нас не говорил. Был только звук листьев на деревьях, шелестящих на ветру, и крик цикад. Где-то вдалеке неожиданно залаяла собака господина Чжана или кого-то другого. Проехал велосипед, зазвонил звонок. Я чувствовал, как его взгляд пробежал по моим волосам, по лицу, по шее. От пристального взгляда у меня горели уши, а там, где его рука держала мою, я чувствовал только острое жжение.

Мне кажется, что он снова пожелтел, но мы слишком близко, и мне неудобно внезапно поднять голову наверх. Все, что я мог сделать, это перевести взгляд куда-то еще:

– Хм…

Янь Куншань отпускает мою руку.

– Пора спать, слишком поздно, – говорит он негромко.

Он поворачивается, чтобы уйти. Я прикусываю губу, и тут меня словно одолевает невидимая сила, заставляя действовать импульсивно, как марионетку.

Прежде чем его рука успевает полностью отпустить мою, я хватаю его, практически трясясь от нервозности. «Держись!» Я не сделал ничего особенного, но почему-то почувствовал острую необходимость в этом.

Что теперь? Что мне делать?

Пока мой разум все еще вращается, мое тело движется само по себе:

– Мне нужно поговорить с тобой.

Я не дал ему шанса отказаться – одним движением я силой затащил его во двор и закрыл за ним ворота.

Без света уличных фонарей во дворе царила полная темнота. Видны лишь смутные силуэты предметов. Хотя у нас был автоматический фонарь на крыльце, но по какой-то причине он не горел.

Я отпустил руку Янь Куншаня и встал спиной к воротам, чтобы он не смог убежать до того, как я закончу говорить.

Не то чтобы он был из тех, кто так поступает, но на всякий случай.

– Юй Мянь? – в его тоне чувствуется нерешительность, вероятно, потому что все происходит совсем не так, как он ожидал.

– Той ночью я назвал твое имя, верно? – это простое утверждение, которое никто не поймет без контекста, но я знал, что он понимал, о чем я.

В ту ночь, когда я напился, когда я прижался к нему и признался, я определенно назвал его имя. Я не перепутал его с кем-то другим, я не мог этого сделать. То, что он назвал «перепутать» его с кем-то другим, было просто способом отмахнуться от этого инцидента.

Янь Куншань долго молчит. Если за мгновение до этого от него исходило тепло, способное растопить человека, то сейчас он – далекая, ледяная гора, которая держит всех на расстоянии. Как будто он пытается использовать холодное молчание, чтобы заставить меня отступить.

Но я не собирался отступать.

– Хочешь узнать вторую половину предложения, которое Фу Вэй хотел сказать? Я остановил Фу Вэя не из-за страха. Я остановил его, потому что Янь Куншань не должен слышать о том, что он мне нравится, из чужих уст. Это могу произнести только я.

– Юй Мянь, – он внезапно прервал меня, назвав мое имя. Он называет его не в теплой, дружеской манере, как обычно, а так, чтобы предупредить.

Я сделал паузу всего на мгновение, но не остановился.

– Человек, который мне нравится, старше меня на девять лет и управляет книжным магазином. У него симпатичная дочь, и он всегда был натуралом, – Я поднимаю голову. – Ты мне нравишься, Янь Куншань.

Он ничего не отвечает, только испускает долгий, тягучий вздох. В конце концов, гильотина падает, беспомощно и меланхолично. В то же время это подтверждает мои подозрения – он уже знает, что нравится мне.

– Юй Мянь, ты слишком… молод.

Думаю, сначала он хотел сказать «маленький», но поправился, потому что знает, что я ненавижу это слово.

Не то чтобы это было лучше.

Слыша, как он повторяет тот же старый аргумент, на этот раз меня одолевает скорее разочарование, чем недовольство. Это хуже, чем если бы он назвал меня незрелым, потому

что, по крайней мере, незрелость можно исправить. Но возраст... Я не могу изменить свой возраст, не могу в одночасье превратить себя в кого-то его возраста.

– Ты все еще не в состоянии отличить, кто тебе действительно нравится, а кто просто прохожий в твоей жизни, – продолжает Янь Куншань.

– Я также уже говорил тебе, что не верю в любовь, и она мне не нужна. Я не достоин твоей привязанности, – я немного расстроен, но не из-за его отказа, а из-за его намека на то, что он не должен мне нравиться.

– Я рассказал тебе все это не для того, чтобы заставить тебя принять меня. Я просто хотел, чтобы ты знал. Все в порядке, я тебе не нравлюсь, я в этом уверен. Но я не могу контролировать сердце и выбирать, кто мне нравится, поэтому ты будешь продолжать быть этим человеком.

Я задумывался на минуту, затем сделал нелепое заявление:

– Ты будешь нравиться мне до того дня, пока не перестанешь.

– ...Это твое право, я не буду вмешиваться, - ответил он.

Было неизбежно, что это признание, однажды сказанное, потерпит неудачу. В любви нет никаких гарантий. Станут ли они желтыми или розовыми, что они чувствуют внутри. По сравнению с теми, кого он отвергал в прошлом, я уверен, что он относился ко мне с гораздо большей нежностью. Не говоря уже о том, что он не говорил мне держаться от него подальше. Так что я ни о чем не жалел.

Я отошел в сторону, открывая для него ворота. Свет с улицы снова проникает внутрь, позволяя мне увидеть индекс настроения Янь Куншаня. Он довольно низкий; похоже, мое признание его беспокоило.

Он направился к выходу, но прежде чем он успел покинуть двор, я вдруг что-то вспомнил и окликнул его.

– Эй... если ты однажды решишь повесить свой ветряной колокольчик обратно, можно я приду и заберу его?

Если я ему не нравлюсь, и он нормальный мужчина, то он не собирается соблюдать целибат до конца жизни только ради меня. Я думаю, что рано или поздно ветряные колокольчики снова зазвучат.

Я знал это, поэтому я планировал спросить некоторое время назад, чтобы узнать, возможно, я смогу принять участие в этом мероприятии.

Тело Янь Куншаня застыло. Затем он повернулся и уставился на меня, нахмурив брови. Выражение его лица очень похоже на то, что было у Фу Вэя раньше, как будто он вдруг совсем не узнал меня.

– Что ты сейчас сказал? – он выглядит искренне озадаченным, как будто что-то неправильно расслышал.

http://bllate.org/book/12676/1122973